
УДК 94(470.6) «18/1917»
ББК 63.3 (235.7)5
X 14

М.А. Хаджимурадова,
соискатель отдела этнографии Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской Академии наук, e-mail: makcka.hajimuradova@yandex.ru

Гостеприимство и куначество в этносоциальной традиции народов Северо-западного Дагестана и Чечни в XIX — начале XX вв.

(Рецензирована)

Аннотация. Рассматриваются традиции гостеприимства народов Северо-западного Дагестана и Чечни, причины их возникновения и значение в традиционном общественном быте горцев.

В результате длительного совместного развития у соседних народов сложилась самобытная этика и культура гостеприимства и куначества, различаясь в деталях, они имели схожие черты.

The article has touched the reason of developing traditions concerning hospitality and the meaning of hospitality in a traditional and social mode of life among North-western Dagestan and Chechnya peoples as well.

As a result of long joint cultural development of neighboring peoples there were original ethics and culture of hospitality and kunachestvo (long — lived rind of hospitality and «guest» among the caucasian peoples) differed in details but at the same time they had common features in customs.

Ключевые слова: гость, гостеприимство, традиции, обычай, соседние народы.

М.А. Khadzhimuradova,
Applicant for Candidate's degree of Ethnography Department, Institute of History, Archeology and Ethnography, Daghestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, e-mail: makcka.hajimuradova@yandex.ru

Hospitality and friendship in ethnosocial tradition of the people of Northwest Daghestan and Chechnya in the 19th — the beginning of the 20th centuries

Abstract. This paper discusses the traditions of hospitality of the people of Northwest Daghestan and Chechnya, the reasons of their emergence and their significance in a traditional public life of mountaineers.

As a result of long joint cultural development the neighbouring people formed an original ethics and culture of hospitality and friendship. Differing in details, they have had common features.

Keywords: guest, hospitality, traditions, custom, neighbouring people.

Взаимоотношения народов Северо-западного Дагестана и Чечни имеют богатую многовековую историю и отличаются разносторонним партнёрством, о чём свидетельствуют политические, торгово-экономические и культурные связи. Их развитие и укрепление ста-

ло возможным благодаря существующим здесь крепким традициям гостеприимства и куначества. Передаваясь из поколения в поколение, они расширялись и укреплялись, сохраняя мир, согласие и добрососедские отношения.

Становление и дальнейшее развитие этих традиций были обусловлены многими причинами, в числе которых близкое географическое положение, схожесть менталитета и социально-экономического устройства, хозяйственно-экономическая взаимозависимость.

Большое значение во взаимоотношениях соседних народов имели и пути сообщения, пролегающие через территорию Северо-западного Дагестана. Транзитные дороги международного значения связывали между собой не только народы Дагестана и Чечни, но и народы всего Кавказа, Закавказья, Азии и Востока, что способствовало взаимопроникновению культур.

Этнограф начала XX века В. П. Пожидаев пишет: «Опасные тяжелые горные дороги, отсутствие общественных и частных учреждений и предприятий в виде гостиниц или хотя бы постоянных дворов породили молчаливый, как бы негласный договор, сущность которого — обязательная, внимательная заботливость домохозяина о возможном удобстве и безопасности гостя, раз таковой зашел к нему» [1].

Другой автор начала XX века пишет о естественной необходимости существования института гостеприимства для горцев: «По существу это — закон международного общения, благодаря которому только и возможны сношения кавказских народов друг с другом и путешествие в его замкнутых горных долинах и котловинах» [2].

Северо-западная часть Дагестана является уникальным регионом, где на сравнительно небольшой территории живет разноплеменная, разноразовая группа аваро-андо-цезских народов. Сложившаяся на протяжении веков культура, даже самого малочисленного из этих народов, имеет самобытные, специфические особенности. В то же время этническая близость народов Кавказа, общие исторические судьбы послужили основой для формирования общекавказского этнографического и историко-культурного единства, более всего выразившегося в традиции гостеприимства, с которой был связан обычай куначества.

В результате длительного совместного развития соседних народов Северо-западного Дагестана и Чечни сложилась самобытная этика и культура гостеприимства и куначества, различаясь в деталях, они имели схожие черты.

Чеченцы гостя называли хьаша. На многих языках аваро-андо-цезских народов, каждый из которых имел множество диалектов, это понятие звучало по-разному. Ахвахцы гостя называли — «цIеве»; чамалалы — «цIев»; годоберинцы — «цейн»; цунтинцы — «гьобол».

На языках многих народов для обозначения понятия дружбы, защиты, помощи, употребляли тюркское слово «кунак», что значит «гость».

Для лучшего понимания тонкостей этикетных норм традиций гостеприимства, обозначим различие между синонимами «кунак-гость» и «хьаша-цIев-гость».

К примеру, андийцы незнакомого или малознакомого человека, которому оказали услугу в соответствии с нормами гостеприимства (кров, еда, защита, содействие в его делах и т.д.), называли (называют) «цIе» — «гость».

Гость, ставший в силу различных обстоятельств хорошим, надежным другом, с которым сложились особые доверительные отношения, становился кунаком. Для обозначения теплых, приближенных к родственным отношениям между кунаками, продолжавшимся на протяжении многих лет или поколений, андийцы употребляли выражение — «ищив цIе», «иляймав цIе», т.е. семейный, родительский кунак.

Между традицией гостеприимства и обычаем куначества есть определенные различия.

К примеру, согласно горскому этикету, считалось дурным тоном со стороны хозяина дома и его окружения задавать гостю какие-либо вопросы, касающиеся его личности, цели приезда, дальнейших планов до тех пор, пока он сам не сообщал о себе необходимое. А близкие, дружественные взаимоотношения с кунаком позволяли не только интересоваться его делами, но и принимать в них непосредственное участие.

Следует отметить, что цель приезда гостя и кунака также является важным фактором их различия. Если гость приезжал в аул только для решения своих проблем, то без кунака не обходилось ни одно значимое для семьи событие. Он был рядом и в радости (свадьба, новоселье, рождение детей, паломничество и т. д.), и в печали (потеря имущества в результате каких-либо событий, болезнь или смерть хозяина дома или его близких, разрешение конфликтов и т.д.).

Эти различия были замечены многими современниками изучаемого периода из числа иностранных и русских путешественников, ученых, чиновников, писателей и поэтов, которые волей судьбы оказывались в Дагестане и Чечне.

С.М. Броневский, хорошо знакомый с культурой кавказских народов, о гостеприимстве чеченцев пишет так: «Дружба (куначество) и гостеприимство соблюдается между ними строго по Горским правилам, и даже с большею против прочих народов разборчивостью: гостя в своем доме или кунака в дороге, пока жив хозяин, не даст в обиду» [3].

Здесь автор начала XIX века акцентирует внимание на статусе гостя и кунака. Он пишет об одном из главных законов гостеприимства — обеспечении безопасности гостя. Принимающая сторона, от хозяина дома до общины, строго соблюдая священный обычай, несла ответственность за жизнь, честь и сохранность имущества приезжего, до тех пор пока он находился на их территории.

Однако хозяин дома оказывал внимание и обеспечивал защиту гостю только до тех пор, пока он находился в его доме, а за кунака, как за близкого человека, нес ответственность до завершения цели его приезда. Кунака провожал в дорогу сам хозяин либо кто-то из его родственников. Его доводили до окраины села, а в случае необходимости до границ общинных земель. Если хозяин сомневался в безопасности дальнейшего пути следования своего кунака, он передавал его под покровительство своего знакомого из соседнего общества[4].

Гость в ауле пользовался особыми правами и преимуществами, такими как неприкосновенность личности, не-

подсудность, освобождение от налогов и т.д. В международном праве предоставление подобных иммунитетов и привилегий называлось экстерриториальностью.

М.А. Агларов достаточно аргументированно раскрывает сущность правового режима экстерриториальности, получившего широкое развитие в Нагорном Дагестане. Он пишет: «Охрана жизни, имущества и чести лиц, вступивших на чужую территорию, которая осуществлялась обладателями этой территории, не только была возведена в ранг обязательного правового установления, но являлась незыблемым моральным принципом, более надежным для защиты чужака, чем декларируемая в кодексах уголовная ответственность» [5].

В адатно-правовых нормах обществ Северо-западного Дагестана за нарушение принципа экстерриториальности виновный подвергался наказанию штрафными санкциями, но более тяжелым наказанием было общественное осуждение.

В адатах Каратинского общества за убийство гостя того же общества в его же пределах убийца платил хозяину, у которого гостил убитый, 10 руб., а родственникам убитого 250 рублей. А за убийство гостя из другого района с убийцы сверх положенного в набитстве дията[6] взималось 25 локтей материи убитому на саван и быка, стоимостью в 12 руб. [7].

В Хваршинском обществе за убийство гостя из другого общества убийца предоставлял наследникам убитого (помимо 6 руб. хозяину гостя и 230 руб. наследникам убитого) саван в три обвертки и быка, стоимостью 10 руб., кроме того, он делался кровником на общем основании[8].

Известный ученый-кавказовед Ф.И. Леонтович в исследовательской работе, посвященной обычному праву кавказских горцев, пишет: «Хозяин наследует после своего кунака, умершего у него в доме, все вещи, какие при нем находились, хотя бы у покойника были самые близкие родственники. Этот обычай основан на том понятии, какое все горцы вообще имеют о гостеприимстве:

куначество считается наравне с родством, и поэтому хозяин, наследовавший после своего кунака, обязан принять на себя его канлы, если он за ним считается, как и все его родственники» [9].

Строгого соблюдения правил гостеприимства придерживались все социальные слои общества. Разница была лишь в том, что состоятельный, влиятельный хозяин дома без ощутимого ущерба для семейного бюджета мог принять любого гостя, и не одного, и не на один день, легко решить проблемы любой сложности и обеспечить надежное покровительство.

Менее зажиточному хозяину требовалось приложить усилие, чтобы гость не чувствовал стеснение и неудобство. Однако материальное положение не являлось показателем несостоятельности горца при необходимости защитить своего гостя. Каким бы ни было благосостояние хозяина дома, гость не останется без должного внимания и заботы.

Автор XIX века академик Н.Ф. Дубровин пишет: «Несмотря на жалкую обстановку жилищ, нищету и бедность, чеченцы отличаются самым радушным гостеприимством. Каждый старается окружить гостя тем материальным довольством, какого сам не имеет ни в годовые праздники, ни в торжественные минуты для своего семейства» [10].

Приют и покровительство для путника, отправляющегося в дорогу, были жизненно необходимы. Сложные природно-географические условия горной местности, отдаленность населенных пунктов, плохие дороги, а также вероятность быть ограбленным дорожными разбойниками и иные причины доказывают, что путнику без помощи посторонних людей было бы крайне тяжело достигнуть цели, ради которой он покинул свой дом. В ауле, где у приезжего не было знакомых, любой мог пригласить его к себе, считая оказанную услугу богоугодным делом.

«Кто раз ночевал в доме лезгина, уже всегда обязан заезжать к нему, — пишет русский писатель-путешественник, этнограф Е.Л. Марков, — хозяин жестоко обиделся бы и был бы осрамлен перед всем селением,

если бы его гость избрал на следующий раз другого хозяина. Это значило бы, что он остался недоволен гостеприимством» [11].

Приезд гостя или кунака, тем более, если он был представителем другого этноса, становился событием не только для хозяина дома, но и для всего аула. Там, где останавливался гость, размеренный ритм жизни, с ежедневными хозяйственными делами, сразу же становился оживленным и приятно суетливым. Женщины отправлялись к очагу, ведь обязательным атрибутом стола, накрытого для гостя, были горячие мясные блюда. Дети притихали, а подростки были готовы исполнить любое поручение. Хозяин дома принимал не только гостя (или гостей), но и родственников и односельчан, желающих своим визитом выразить уважение приезжему.

После взаимных приветствий начинался неспешный разговор, в котором гость становился средоточием внимания, ведь он был главным информатором свежих новостей. В ходе беседы выяснялась и цель его приезда. Присутствующие выражали готовность помочь гостю в его делах.

Когда приезжий задерживался в селении на несколько дней, родственники и соседи хозяина по очереди приглашали его к себе на ужин. Поход в гости, где за хорошо накрытым столом велась приятная беседа, андийцы называли «вотЮнолЮ вокЮду», что означает «идем общаться, разговаривать». Гостей за столом обслуживали только мужчины, самые молодые из собравшихся. Обязательным условием для гостя было возвращение на ночлег в дом хозяина.

Спать гостя укладывали в лучшую комнату дома — гостевую, кунацкую. Андийцы ее называли «къачАниб гъакъу», т.е. хорошо обставленная, «нарядная» комната. Она содержалась в чистоте и предназначалась только для приема гостей, как правило, сами хозяева в ней не жили [12].

Коммуникативные связи соседних народов не могли развиваться без знания языка. К примеру, большинство андийцев владели чеченским языком.

Житель с. Анди Маматханов Герей вспоминает о том времени, когда его отец, отправляясь на сезонные работы в Чечню, часто брал его в помощники. Жили они у кунаков, чьи дети были его ровесниками. В результате долговременного пребывания и тесного общения с местными жителями он легко научился говорить по-чеченски. Знание языка, говорит он, неоднократно помогало легко и успешно решать не только свои проблемы, но и помогать чеченцам, обращавшимся к нему за помощью[13].

Количество кунаков и интенсивность их взаимоотношений в значительной степени зависело от рода деятельности одного из них. Горцы, занимавшиеся торговлей, ремеслом, скотоводством, садоводством и иной хозяйственной деятельностью, были вынуждены в коммерческих целях выезжать за пределы своего региона и обращаться за помощью к посторонним людям. Как правило, кунацкие отношения складывались в тех селениях, куда чаще всего приходилось выезжать по делам.

К примеру, кустари Северо-западного Дагестана, славившиеся производством шерстяных изделий (бурки, войлок, сукно), приобретали недостающее количество шерсти в ичкерийских, чеберлоевских селениях. Садоводы из селений Муни, Ботлих, Игали, Инхо вывозили в чеченские села фрукты и сухофрукты и т.д.

Когда в аул приезжал торговец, хозяин дома, принявший его у себя, оказывал всестороннюю помощь в скорейшей реализации товара. Если же гость или кунак приезжал с целью что-то купить, хозяин содействовал тому, чтобы приобретаемый товар отличался качеством и имел выгодную цену. Любая проблема решалась так, чтобы их гость был удовлетворен приездом.

Автор начала XIX века Ахвердов А.И. уровень развития традиций гостеприимства и куначества чеченцев возводит в ранг «высшей степени». Он пишет: «Какой бы нации ни был его кунак или просто знакомый, не умерев сам наперед, кунака своего в обиду (не даст)» [14].

Трагический сюжет из жизни горцев начала XX века является ярким свидетельством того, что самопожертвование ради безопасности гостя, тем более кунака, было свойственно всем горцам Кавказа, в том числе и народам Северо-западного Дагестана.

Дело касалось харачоевца Залимхана **Гушмазукаева**, известного в Чечне и за его пределами абрека. Стая на путь разбоя его заставила жажда мести к кровникам и к власти. С незаслуженного заключения в тюрьму на основании ложного доноса и побега через несколько месяцев жизнь зажиточного чеченца сменилась двенадцатилетним странствием. Чем дольше он занимался разбоем, тем больше становилось у него кровников, особенно из числа соплеменников. Ввиду постоянной угрозы засады он подолгу не видел своих родственников, жену и четверых детей. С 1901 по 1913 годы власть вела охоту на неуловимого абрека, назначая вознаграждение за его поимку, запугивая население штрафными санкциями за укрывательство, устраивая облавы и карательные экспедиции.

Когда горы и леса уже не спасали Залимхана, он находил приют и надежное убежище у своих кунаков-дагестанцев. Гасан из селения Гоцатль, Муртазали из селения Ашали, несмотря на угрозу быть арестованными за связь с преступником, принимали Залимхана как самого дорогого кунака, делая для него больше, чем от них требовалось[15].

Несмотря на то, что Залимхан неоднократно совершал нападения на приезжих и представителей власти на территории Андийского округа, что противоречило горским законам гостеприимства, андийцы продолжали ему помогать.

Помощник начальника Андийского округа Дагестанской области подполковник Кананов М.Д., занимаясь расследованием преступления, совершенного Залимханом в 1905 году на так называемой Царской дороге, между озером Казеной-Ам и селением Харачой, об андийцах, подчеркнуто игнорировавших следственные мероприятия, пишет, «чувство взаимного

укрывательства в них развито непреодолимо» [16].

В селении Анди Залимхан был частым гостем, об этом знала и окружная администрация, однако выяснить, кто ему покровительствовал, не удавалось. Лишь спустя много лет выяснилось, что Залимхан был давним кунаком влиятельного, по словам андийцев, «могущественного» полковника Араша Шамхалова.

В самые тяжелые времена Залимхан скрывался от преследователей на хуторе Араша, расположенного на границе Веденского и Андийского округов. Этот живописный уголок природы стал безопасным местом для абрека: рядом харачоевское ущелье и густой лес.

Родственники Араша, а в особенности сыновья Магомед-хан, Ибрагим и Магомед, были хорошими помощниками и ответственными исполнителями всевозможных поручений главы семейства.

Когда тяжело раненный в Веденском округе Залимхан приехал на хутор своего кунака, он получил всестороннее внимание и хороший уход. К тому же Араш прислал к нему из Анди известного доктора Муртазали и держал его на хуторе до полного выздоровления больного [17].

Эти эпизоды являются ярким свидетельством того, что ни под каким внешним воздействием вековые традиции гостеприимства не нарушались.

Хозяин дома, укрывая своего кунака, рисковал не только репутацией государственного служащего, своей должностью, личной свободой, но и благополучием своей семьи.

Ценным источником, подтверждающим значение обычая гостеприимства в традиционном общественном быте народов Северо-западного Дагестана и Чечни, являются произведения устного народно-

го творчества. Священство гостя отразилось во многих фольклорных жанрах.

К примеру, чеченские пословицы гласят: «В дом, куда не приходит гость, не приходит и изобилие (благодать)» — «Хьаша ца вог1учу беркат ца дог1у»; «Друг из далекого края подобен сооруженной крепости» — «Юьста мехкара доттаг1 йоьг1на г1ала саина ву» [18].

В многочисленных благопожеланиях андийцев тема гостеприимства занимает важное место: «Пусть гостей не убывает, а благодать умножается» — «Це кабунисудо — барка ц1ик1унидо»; «Пусть дом не останется без визита гостя», «Пусть не настанут те времена, чтоб гость не захотел к вам прийти» — «Це вугъидоса дан гьагъосудо». «Гостеприимство — сладость, радость общения» — «Цегьир — миц1агьир. [19].

В фольклоре отразилось и осуждение негостеприимных хозяев. За грубое нарушение этикетных норм гостеприимства односельчане нередко подвергли их проклятью. «Закрывшаяся перед гостем дверь пусть навсегда останется закрытой» — «Цешч1у седу екъам гьинц1у гьилагу раходо», — говорят андийцы [20].

Чеченцы иронизируют по поводу негостеприимной женщины: «Воды попросит, не голоден, не попросит — значит, у него пост (ураза)», — подумала скупая хозяйка о госте. — «Хи дехахь — меца вац, ца дехахь марха ду», — хеттера сутарчу ц1ийнананна» [21].

Таким образом, благодаря замечательным традициям гостеприимства и куначества, способствовавшим установлению добрососедских отношений и сохранению мира, стало возможным всестороннее взаимодействие и сотрудничество между соседними народами Северо-западного Дагестана и Чечни.

Примечания:

1. Пожидаев В.П. Горцы Северного Кавказа. Ингуши, чеченцы, хевсуры, осетины и кабардинцы М.; Л., 1926. С. 104.
2. Анисимов С.С. Кавказский край: путеводитель. М., 1928. С. 11.
3. Броневский С.М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Ч. 2. М., 1825. С. 182.
4. Гамзатова А.Ш. Гостеприимство и куначество у горцев Центрального и Западного Дагестана в XIX — начале XX века. Махачкала, 2008. С. 84.
5. Агларов М.А. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII-XIX в. М., 1988. С. 103.

6. Дият — условная плата, за которую лица, имеющие право на кровомщение, соглашаются простить убийцу.

7. Адаты Каратинского наибства // Памятники обычного права Дагестана XVII-XIX вв. М., 1965. С. 144.

8. Адаты Тиндальского наибства Хваршинского общества // Памятники обычного права... С. 126.

9. Леонтович Ф.И. Адаты Кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Одесса., 1883. Вып. 2 // Адат. Традиции и современность / гл. ред. и сост. В.А. Дмитриев. Тбилиси; М., 2003. С. 170.

10. Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 1. СПб., 1871. С. 415.

11. Марков. Е.Л. Очерки Кавказа. СПб., 1887. С. 668.

12. Полевой материал. Инф. М. Харчиев, 1909 г.р., сел. Анди.

13. Полевой материал. Инф. Г. М. Маматханов, 1923 г.р., сел. Анди.

14. Ахвердов А.И. Описание Дагестана.1804 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII-XIX вв. М., 1958. С. 227.

15. ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 29. Д. 375. Л. 109.

16. ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 4. Д. 60. Л. 6.

17. ЦГА РД. Ф. 2 Оп. 29. Д. 375. Л. 96.

18. Айдамиров А. Что за золото? Чеченские народные пословицы. URL: <http://www.chechen.org/index.php?newsid=238>

19. Полевой материал. Инф. М.Р. Абакарова, 1925 г.р., сел. Гагатли.

20. Полевой материал. Инф. Р.М. Гунашилаев, 1937 г.р., сел. Риквани.

21. Айдамиров А. Указ. соч.

References:

1. Pozhidayev V.P. The mountain dwellers of the North Caucasus. The Ingushes, the Chechens, the Khevsurs, the Ossetians and the Kabardians. M.; L., 1926. P.104.

2. Anisimov S.S. The Caucasian region: a guidebook. M., 1928. P. 11.

3. Bronevsky S.M. The latest geographical and historical news about the Caucasus. P. 2. M., 1825. P. 182.

4. Gamzatova A.Sh. Hospitality and kunachestvo of the mountain dwellers of the Central and Western Dagestan in the XIX — the beginning of the XX century. Makhachkala, 2008. P. 84.

5. Aglarov M.A. A rural community in the Upland Dagestan in the XVII-XIX centuries. M., 1988. P. 103.

6. Diyat — a conditional fee for which the persons having the right to vengeance agree to forgive the murderer.

7. The Adats of the Karata наибство // Monuments of the traditional law of Dagestan of the XVII-XIX centuries. M., 1965. P. 144.

8. The Adats of the Tindalsky наибство of the society of Khwarshi // Monuments of the traditional law ... P. 126.

9. Leontovich F.I. The Adats of the Caucasian mountain dwellers. Materials on the traditional law of the North and East Caucasus. Odessa., 1883. Issue 2 / The Adat. Traditions and the present / ed. and comp. by V.A. Dmitriev. Tbilisi; M., 2003. P. 170.

10. Dubrovin N.F. The history of war and sovereignty of the Russians in the Caucasus. V. 1. SPb., 1871. P. 415.

11. Markov. E.L. Sketches of the Caucasus. SPb., 1887. P. 668.

12. Field material. Inf. M. Kharchiev, born in 1909, the village of Andi.

13. Field material. Inf. G.M. Mamatkhanov, born in 1923, the village of Andi.

14. Akhverdov A.I. The description of Dagestan.1804. // History, geography and ethnography of Dagestan of the XVIII-XIX centuries. M., 1958. P. 227.

15. TSGA RD. F. 2. Op. 29. 375. L. 109.

16. TSGA RD. F. 2. Op. 4. 60. L. 6.

17. TSGA RD. F. 2 Op. 29. 375. L. 96.

18. Aidamirov A. What for gold? Chechen national proverbs. URL: <http://www.chechen.org/index.php?newsid=238>

19. Field material. Inf. M.R. Abakarova, born in 1925, the village of Gagatli.

20. Field material. Inf. R.M. Gunashilayev, born in 1937, the village of Rikvani.

21. Aidamirov A. Mentioned work.